

Числа

Вспоминая академика В. Заславскую

Снегопад на зелень лёг,
Майский ветренный денёк.
Затуманилось окно.
Хлопья выпали на дно.

Всё впадает в тишину,
Как в гражданскую войну.
И кукушка кличет всех
Без надежды на успех.

У неё свои дела.
У людей свои крыла.
В вышине гудит ковчег
На три сотни человек.

На четырнадцать дворов
Было двадцать здесь коров
И четырнадцать семей
Самых избранных кровей.

А теперь — как дальше жить?
На двоих не поделить —
Три деревни на двоих.
Всех подхватывает вихрь.

Всё держалось здесь на них —
На вихрастых и стальных.

Жизнь зарождается химерой,
Но побеждает высший смысл.
Всё принимается на веру,
Но есть рабочий механизм.

Он отделяет злато света
И отпускает в космос тьму.
Повсюду есть её приметы.
Ты не кивай здесь на тюрьму

Или продажную элиту —
Есть уголки в любой душе,
Где хочется, чтоб шито-крыто,
Но здесь работает клише

И клацает, как гильотина,
Ведь совесть вечно начеку,
И прорывается плотина,
И я тебя туда влеку.

● ● ●
Возмутитель спокойствия, пёсик Пират,
Как ты рад возвращению нашему! Рад!
Из-за дюн, из-за туч, из скитаний морских
Мы вернулись домой ради взвизгов твоих.

Ты облаял меня, ты облапал меня,
Закрутился волчком и сверчком заскулил,
И ругалась родня, и смеялась родня —
Как ты пасть раскрывал, как большой крокодил.

Ты увёл нас на речку, в просторы полей,
Ты показывал нам водопад и грибы
И мотал головой: мол, водички налей
И колбаски подбрось без особой борьбы.

Набежала вода. Убежала вода.
И глядим мы не в окна, а в тёмную ночь.
Мы опять побежали бы. Но не туда.
Нет желания это пространство толочь.

Дождь стучит жестяной. И задумчив простор.
И гуляют деревья по мокрой земле.
Утихает к зиме путешествий задор,
И калачик вселенной сопит на столе.

● ● ●
Из долины, входящей в туман,
В золочённую вечером степь
Поднимается медленно великан,
Словно ощупывает ногами податливую твердь.

Он идёт в направлении Туда,
Куда всегда стремились самолёты и поезда,
Где к площади примыкает кольцо,
Где головы катились и прибывали яйцо.

Он не думает, куда и зачем идёт,
Его тянет большая сила и хоккейный счёт
Не в нашу пользу. Не хватает игрока,
Удалённого в качестве дурака.

Там будет ещё курантов бой и не один салют,
Там многих претендентов ещё сольют.
Он идёт медленно и тяжело.
И земля прогибается, и время ему малю.

Усмирять действительность, велено нынче ворчать,
И пугать, и следы заносить, и сказаться болезнью.
Вера хочет сказать, что смиряться и верить полезней.
Но за правду стоят те, кто предпочитает молчать.

И колышется снежное поле в мерцании дней,
И как будто никто здесь весны не изведал.
Но припомнит ребёнок, что здесь пробегает ручей.
Он действительно слышит. Он будущей занят беседой.

Но ведь кто-то бывает бесспорной причиной дождя,
И мешают, как правило, этому круглые твёрдые даты,
Даже если за тёплыми днями снега наследили, твердя,
Что наследников будни превратностями чреватые.

Здесь другие краски, другие люди,
И мелодия тоже чуть-чуть не та,
И за смелость здесь никого не судят,
Говорят: добавляется красота.

Да и я тебя ни за что не ругаю,
Ещё меньше, чем раньше, то есть никак.
Здесь актёры все хорошо играют:
Жесты отточены, и важен каждый пустяк.

И никто не прикормлен, никому не нужно,
Чтоб его заметил большой человек.
Начинают петь здесь всегда дружно,
Голоса прекрасны, как теченья рек.

Это царство птичье или речь влюблённых,
Где любое слово и жест любой,
И в снегах глухих, и в полях зелёных,
Не переча вечности, полны тобой.

Самолёт лежит на коврике неба,
А в прорехах — тугодумные звёзды.
По освещённым тротуарам бегают трапеции юбок,
У мужчин глаза лабрадоров грустных.
«Тага-тага», — хочется сказать трамваю скользящему.
Полвагона в экраны залипло, на лицах экраны.
В коллективе города много спящих,
Поэтому они рифмуются с пищей.
Гортань выдаёт ассигнации звуков
В любой валюте и даже золотом.
Колёса — сердечные стукки,
А вместе они — колокол.

Соблюдаю дистанцию в строф движенье,
Высаживаю рифмы на кольце трамвайном.
Оно — не оно, а латунная дыра в небе,
Куда улетают пассажиры,
Как последние ступени ракеты.

Косая пятница, косящая дождями,
И ветер пишет почерком косым,
Вся эта рукопись: и заголовок солнца,
Абзацы деревень и буквы холмов, —
Напоминает чью-то жизнь без края.
Советую задуматься над этим
И продолжать читать.
Там есть сюжет один сквозной,
Что даже люди
Бессмертные
И не хотят, а плачут.

Тихо. Вёдро. Штиль. Загадка,
Не подвластная уму.
Тихо-тихо. Сладко-сладко.
Этот мир к щеке прижму.

Обниму его за плечи...
И нащупаю суму.
— Мир, куда ты?
— Вновь далече.
Я тебя с собой возьму.

— Забирай нас всех с собою!
— Бог с тобой. Куда же всех?
— Просто всех. Мы всё освоим.
Есть надежда на успех.

Мир задумался. Сумою
Покачал. И был таков.
Дал стихи. Оставил море.
Небо. Землю. И врагов.

Яблоневый сад на склоне,
Дикий яблоневый сад
Тихо яблоки уронит —
В небе яблоки висят.

В чистом небе распростёртом,
В тёплом небе голубом
Имена и даты стёрты,
Всё известно о былом.

И твоя душа припомнит
Всё, что надобно душе:
И сиянье летних комнат,
Лёгкость строк в карандаше,

И свидание с грозой,
И такой желанный взгляд
Той единственной порою —
Много тысяч лет назад.